

Пробуждение *Глории*

ЖИЗНЬ НАЧИНАЕТСЯ ТАМ,
ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ СТРАХ

АСТРА ВЕЙН

Астра Вейн

Пробуждение Глории

«Автор»

2026

Вейн А.

Пробуждение Глории / А. Вейн — «Автор», 2026

Глория сбегает от жестокого прошлого в тихий городок Форкс. Здесь она находит случайную семью среди байкеров и ночных гонок, учится доверять и впервые чувствует себя нужной. Но чем больше она пытается начать заново, тем настойчивее прошлое напоминает о себе. Глории предстоит решить, готова ли она заплатить за свободу ценой, о которой даже не подозревает.

© Вейн А., 2026

© Автор, 2026

Астра Вейн

Пробуждение Глории

Глава 1

«После удара»

Первое правило – не спорить. Второе – не смотреть ему в глаза. Третье – надеяться, что он будет в хорошем настроении.

Кухня пахла дешёвым моющим средством с лимонной ноткой, которая уже успела выветриться, оставив после себя только химическую горечь. Глория стояла у раковины и механически водила тряпкой по сухой тарелке. Она сделала это уже в третий раз за последние пять минут. Глаза её были прикованы к настенным часам над дверным проёмом, с дешёвым пластиковым циферблатом и треснувшим стеклом, которое Брэд так и не смог заменить. Секундная стрелка дёргалась рывками, будто ей тоже было не по себе.

На кухне было душно, летний воздух, тяжёлый от городской пыли и выхлопов, застревал в горле и Глория с трудом делала вдох, когда со двора донёлся знакомый звук – сначала отдалённый гул мотора, набравшего обороты, потом скрежет тормозов, а следом глухой удар дверцы автомобиля. Она вздрогнула и внутри что-то болезненно сжалось, будто ледяные пальцы сдавили внутренности.

Она замерла, прислушиваясь к хлопку входной двери, доносившемуся из прихожей. Звук был обычным, повседневным, но для её натянутых нервов он прозвучал как выстрел.

Руки действовали быстрее головы, Глория поставила тарелку на сушилку и судорожно поправила выцветшее кухонное полотенце, которое висело на ручке духовки. Она подошла к столу и поправила стул, который и так стоял ровно.

Сделала шаг назад, оглядывая поверхность стола: ни одной лишней кружки, ни одной крошки и пятна. Идеальный порядок, который требовал Брэд.

Эти движения – поправить, подровнять, проверить, давно въелись в мышечную память. Она делала это автоматически, даже когда никто не смотрел. Это была защитная магия, ритуал, призванный хоть на миллиметр отсрочить неизбежное. Брэд терпеть не мог беспорядок и в его понимании беспорядком было всё, что выходило за рамки его мрачного и бескомпромиссного порядка. Глория сглотнула вязкую слюну и вытерла вспотевшие ладони о джинсы. Сердце колотилось часто и глухо, отдаваясь пульсом в висках.

Из прихожей донеслись тяжёлые и неторопливые шаги, даже как показалось Глории, странно-спокойные. Обычно после работы Брэд вваливался в дом с грохотом, швырял ключи в металлическую миску у входа и звон этого металла был первым предупреждением. Сегодня было тихо, Глория попыталась успокоить дыхание, но глубокий вдох не помог, грудь сдавило и воздух застрял в горле, не доходя до лёгких, она прижала ладонь к груди и потёрла по солнечному сплетению.

Когда Брэд появился в дверях кухни, она уже стояла с улыбкой на лице, уголки губ дрожали, готовая встретить его привычной фразой «Как прошёл день?». Но он не дал ей сказать,

стоял в дверном проёме, заполняя своей крупной фигурой, его глаза были неподвижны, как у куклы, а она ждёт моргания, как сигнал к удару. Лицо Брэда, израненное ранними морщинами, было неестественно расслабленным.

При виде этого спокойствия её живот свело судорогой.

Он сделал шаг навстречу, и тесная кухня сжалась до размеров спичечного коробка.

— Где ты была? — спросил он ровным голосом.

Глория замерла, даже дышать перестала на мгновение и только потом ответила..

— Я... в магазине, — ответила она коротко, пытаясь говорить ровно, но слова выходили тихими. Она смотрела ему в глаза, но не выдержала и опустила голову, уставилась в пол.— Ты же просил хлеб.

— Просил хлеб, — медленно повторил он. — Я звонил тебе в половине шестого.

Глория ощутила, как подкашиваются ноги.

— В магазине была очередь. Старуха передо мной долго считала мелочь, — слова давались ей с трудом, она выталкивала их из горла, словно толкала тяжёлый камень в гору. — Телефон сел, я не услышала звонка...

— Не услышала, говоришь, — сказал он, с той же пугающей монотонностью и пристальным взглядом.

Он шагнул ближе, от него пахло потом и табаком, тяжёлый душный запах смешивался с лимонной горечью кухни, рождая тошнотворный коктейль.

— Ты постоянно ничего не слышишь, Глория. Думаешь, я недостоин твоего ответа?

— Нет, — прошептала она, руки стали влажными,она чувствовала как паника подступает к горлу. — Брэд, я правда была в очереди. Я купила хлеб и молоко, вот посмотри...

Она указала рукой на пакет, но он даже не повернул голову. Его стеклянные и неподвижные глаза не отрывались от неё. Он осматривал её, как патологоанатом рассматривает жертву.

— Ты слишком долго была в магазине, — и в голосе прорезалась сталь. — Я видел тебя из окна, ты вышла в четыре пятьдесят, а вернулась в шесть двадцать. Час тринадцать минут на хлеб и молоко. Думаешь, я идиот?

Глория, знала что сейчас не нужно спорить. Год совместной жизни научил её этому. Каждое возражение – это искра в пороховой бочке, каждая попытка объясниться – это ещё один виток спирали, которая ведёт вниз. Она молчала сжав губы в тонкую линию, стараясь сделать себя как можно меньше, отводила взгляд, перебирая пальцами края футболки. Но молчание тоже было преступлением, он ненавидел когда она игнорировала его.

— Ты даже не смотришь на меня когда я говорю, — произнёс он, повышая голос до того диапазона, от которого у Глории начинало звенеть в ушах. — Что ты там прячешь?

Он резко двинулся вперёд и Глория невольно сделала шаг назад, вжавшись спиной в стену. Холод плитки проник сквозь тонкую ткань футболки, заставив её задрожать. Теперь он стоял совсем близко, она чувствовала его дыхание на своей щеке. Глория не поднимала глаз, уставившись в пуговицу на его рубашке.

— Я ничего не прячу, — голос прозвучал как писк.

— Не так посмотрела, - бросил он вдруг. — Ты снова на меня косо посмотрела, будто я тебе что-то должен, будто я... — он запнулся, скривил губы в презрительной усмешке, — я для тебя пустое место.

Он нависал над ней горой, а голос нарастал заполняя всё пространство.

— Ты вообще слышишь меня Глория?! — голос ударил по комнате. — Или тебе плевать?

Она молчала, теребя футболку, её ладони были мокрыми.

— Я пашу как лошадь! Каждый день! Чтобы у нас было всё! А ты Глория... — он горько усмехнулся, — даже это не ценишь.

— Я ценю...

— Не перебивай меня! — рявкнул он. — Если бы ценила, не водила бы меня за нос. Думаешь я ничего не замечаю? За кого ты меня принимаешь?

Она открыла рот, но слова застряли в горле.

— Отвечай! Или опять будешь строить из себя жертву?

Тишина только сильнее его разозлила, она увидела как его ноздри раздулись, губы сжались в тонкую линию, а взгляд стал ещё более холодным. — Молчишь... конечно молчишь, когда нечего сказать.

Он отвернулся, тяжело вздыхая.

— Знаешь, что самое мерзкое? Я отдаю тебе всего себя, а ты ведёшь себя так, будто я пустое место.

Каждое его слово било точнее любого удара. Он даже не прикоснулся к ней, но она чувствовала себя так, словно внутри не осталось ни одного целого места. Его обвинения въедались под кожу, разъедали изнутри и оставляли раны, которые никто не видел, кроме неё самой.

Глория опустила плечи, попыталась сжаться в комок. Её глаза защипало от слёз, но она не плакала, потому что слёзы – это тоже повод для крика. Он терпеть не мог «этот сырой театр».

Давление в комнате стало невыносимым. Казалось, стены сжимаются, воздух кончился и дышать нечем. Глория чувствовала, что ещё мгновение и она задохнётся в этих стенах и в его взгляде. Ей нужно было пространство и воздух, чистый, прохладный. Она сделала отчаянную попытку отодвинуться в сторону, обогнуть его и выскользнуть в коридор, в гостиную, куда угодно, лишь бы не стоять здесь под прицелом его глаз.

— Я устала, — выдохнула она, делая шаг в сторону. — Я пойду... мне нужно отдохнуть.

Она почти миновала его, её плечо уже скользнуло мимо его груди, когда рука сомкнулась вокруг её запястья. Пальцы у него были жёсткие и сильные, как стальные прутья. Он сжал так, что кожа на запястье побелела, а кости захрустели.

— Стоять, — прошипел он сквозь зубы. — Я не договорил.

— Брэд, больно! — вырвалось у неё. Она попыталась выдернуть руку, дёрнулась назад, но хватка лишь усилилась. — Отпусти! Сейчас же!

Паника волной захлестнула её с головой. Тело действовало прежде, чем мозг осознал это. Глория рванула вперёд, выкручивая руку и к её удивлению, он на мгновение ослабил хватку. Она вырвалась, но слишком резко, потеряла равновесие и отлетела к столу.

Брэд разозлился от её сопротивления, его лицо исказилось злобой, из горла вырвался рык. Глория увидела как он заносит руку для удара и инстинктивно шарахнулась в сторону, прикрывая голову локтём. Она не видела удара, но почувствовала толчок в плечо такой сильный, что её отбросило в сторону, как тряпичную куклу.

Мир перевернулся, она поскользнулась на гладком кафеле и с глухим стуком упала на пол. Удар пришёлся на бедро и локоть, по телу разлилась острая и пульсирующая боль. Глория лежала на холодном полу, глядя в белый потолок, где в углу расплзалась чёрная плесень. В глазах потемнело, мир сузился до одного лишь звука, её собственного тяжёлого, сбивчивого дыхания и его увесистых шагов, направленных прямо к ней.

Брэд стоял над ней, он был огромным в этой маленькой кухне. Его тень укрыла её и Глория вдруг почувствовала себя букашкой, которую сейчас раздавят.

Её взгляд упал на пол, прямо у её головы, на полу валялась стеклянная бутылка из-под оливкового масла, которую она смахнула со стола при падении. Толстое, зеленоватое стекло, тускло поблескивало в свете лампы.

— Вставай, — приказал он сверху и пнул её в бок. Дыхание перехватило, тело пронзила жгучая боль. — Ты что притворяешься? Вставай, я сказал!

Он наклонился к ней, протягивая руку, чтобы схватить её за волосы. В этот момент все мысли в голове Глории словно выключились, остался только животный инстинкт выживания. Никакого плана, никакого обдумывания последствий, только одна команда, посланная телом: «Делай сейчас или умри».

Рука метнулась к бутылке, пальцы сомкнулись на холодном шершавом стекле. Она не почувствовала тяжести и как режут пальцы осколки. Перевернулась на спину, боль в боку

резало её дыхание, размахнулась лёжа на спине и с силой которую сама в себе не подозревала, ударила его в висок. Удар прошёлся точно в ту точку, где пульсировала тонкая голубая жилка.

Звук был странным, не звон стекла, а глухой и влажный стук, будто что-то тяжелое упало в грязь. Бутылка выскользнула из её ослабшей руки и покатила по полу, оставляя за собой липкий маслянистый след. В воздухе резко запахло оливками.

Бред остекленел, его глаза всего секунду назад полные ярости, расширились, став совершенно бессмысленными как у рыбы, выброшенной на берег. Он пошатнулся назад, сделал один неуверенный шаг назад, наступив на скользкое масло и рухнул как подкошенный, тяжело ударившись затылком о кухонный шкафчик. Тело дёрнулось, он издал тяжёлый выдох и затих. Наступила оглушительная, невыносимая тишина.

Она была такой плотной, что звон в ушах Глории казался единственным звуком во Вселенной. Она лежала на полу, глядя на его неподвижное тело и не могла пошевелиться. Пульс в висках стучал так громко, что заглушал всё остальное. Она видела как из-под его головы медленно расплзается по кафелю тёмное пятно. Оно расширялось, перетекая в щели между плитками, затапливая белый кафель багровым цветом.

Его тело обмякло, грудь не поднималась. Глория попыталась сделать вдох, но горло сжало спазмом. Она смотрела на свою руку, которая держала бутылку, рука была в масле со стеклянной пылью и в чём-то липком, тёплом. Глория не понимала чья это кровь, его или её.

Первая мысль была: «Он мёртв», вторая, более страшная: «Я убила его», она медленно подползла к нему на коленях, остро чувствуя боль в каждом движении.

— Бред... - голос сорвался на шёпот. — Бред... пожалуйста...

Она осторожно толкнула его, голова безвольно качнулась в сторону, её дыхание стало прерывистым, руки тряслись.

— Нет...нет. Только не это.

Она прижала пальцы к его шее, пытаясь вспомнить, где проверяют пульс. Подушечки пальцев скользнули по влажной коже, но она ничего не чувствовала. То ли его сердце действительно остановилось, то ли собственный пульс так оглушительно бился в висках, что она уже ничего не понимала. Она судорожно схватила телефон, экран расплывался перед глазами. 9... 1... Палец завис над последней цифрой. «Если он ещё жив...» она посмотрела на Брэда, перед глазами вспыхнули воспоминания: его крики, удары, бесконечный страх.

Палец дрогнул, она нажала «отбой». Телефон выпал из рук и с глухим стуком ударился о кафель. Глория закрыла лицо ладонями, она чувствовала, как в груди всё холодеет от осознания того, что натворила.

— Господи...Господи...Что я наделала?..

Она впервые заплакала, слёзы текли сами собой, а тело тряслось так сильно, что она едва могла вздохнуть.

Несколько минут она сидела на полу, не замечая времени, потом взгляд упал на тёмное пятно, медленно расползающееся по плитке. Внутри что-то оборвалось. «Если я останусь...» Эта мысль прозвучала так отчётливо, словно её произнёс кто-то другой. «Меня посадят.», «Никто не поверит.» Она резко вскочила, едва удержавшись на ногах, панический страх, который она сдерживала весь вечер, прорвал плотину. Глория отвернулась, переступая через его ногу и бросилась в спальню.

В спальне царил полумрак. Шторы были задёрнуты и лампа на тумбочке горела тусклым жёлтым светом. Глория подбежала к шкафу, руки тряслись так сильно, что она дважды промахивалась мимо ручки. Она вывалила на кровать содержимое ящика: документы, паспорт, страховка, какие-то старые квитанции, всё это она сгребла в первую попавшуюся сумку. Смятые купюры, которые она прятала от Брэда в коробке из-под обуви.

Она не знала, что делает, действия были машинальными, ведомыми лишь примитивным желанием бежать. Бежать как можно дальше, как можно быстрее. В шкафу лежала старая джинсовая куртка, она натянула её поверх футболки, даже не застегнув, руки дрожали так сильно, что с трудом попала в рукава. сунула ноги в разношенные кеды. Всё тело била мелкая дрожь, но она заставляла себя двигаться.

Ворвалась обратно в кухню, чтобы взять ключи с тумбочки. Брэд всё так же лежал на полу, теперь лужа крови казалась больше. Глория зажмурилась и задержала дыхание при виде этого, схватила ключи и вылетела в прихожую, не закрывая за собой дверь.

Сердце колотилось, в глазах пульсировали чёрные пятна. Ступеньки пролетали под ногами, она почти летела, не чувствуя тяжести тела и как холодный воздух улицы обжигает лицо. Ночь встретила её запахом мокрого асфальта и сырости, вокруг ни души. Фонари тускло освещали пустую улицу, Глория бежала не разбирая дороги, дыхание было сбивчивым, но она шлёпала по лужам, пока не увидела в конце улицы яркую вывеску автобусной станции.

Платформа была почти пуста, только одна женщина с ребёнком сидела на лавочке и пара подростков курили у автомата с газировкой. Глория влетела в здание вокзала и её встретил ровный, успокаивающий свет ламп. Она подбежала к окошку кассы переводя дыхание, стекло было мутным, за ним виднелся лишь силуэт.

— Билет, — выдохнула она, протягивая мятую купюру. — Один билет, на ближайший рейс.

Пожилая женщина с усталыми глазами посмотрела на неё с подозрением. Глория знала как она выглядит: растрёпанные волосы, куртка наизнанку, испуганные глаза. Но кассирша ничего не спросила, она привыкла к странным пассажирам поздней ночью.

— До Форкса, — сказала кассирша и посмотрела на неё из под очков. — Отправление через пятнадцать минут.

— Да, — кивнула Глория, даже не услышав названия. — Да, конечно.

Она взяла билет, сжала его в мокрой ладони и вышла к перрону. Старый, дребезжащий автобус уже стоял у платформы, его фары разрезали туман.

Она забралась внутрь, уселась на сиденье у окна. В салоне пахло бензином и старой обивкой, ноздри защипало от этой смеси.

Других пассажиров почти не было. Старый водитель закурил сигарету и двигатель завёлся с надрывным ревом. Автобус дёрнулся и медленно покатился по мокрому асфальту, выезжая за пределы города Сиэтл.

Глория смотрела в окно и пыталась расслабить тело, дождь размывал огни города, превращая их в золотые потёки. Она не думала о том, что оставила там, о теле на кухонном полу, о том позвонят ли соседи в полицию. Она вообще старалась не думать ни о чём, просто сидела и смотрела как исчезает город.

Ей казалось, что самое страшное осталось позади, что там, в той затхлой кухне осталась не только кровь, но и весь её прошлый мучительный год жизни. Что сейчас когда автобус набирает скорость, она оставляет там всё: его крики, руки и страх который въелся в кожу. Она выжила, она сделала это.

Автобус нырнул в темноту ночного шоссе и Глория впервые за последние два часа позволила себе закрыть глаза. Перед внутренним взором всё ещё стоял тот кафельный пол и тёмная, растекающаяся лужа. Она прошептала в темноту салона одну фразу, больше похожую на молитву:

— Я свободна.

Салон трясся на ухабах, огни города исчезли, впереди была только чёрная бесконечная дорога.

— Ты справишься, — сказала она себе и повторила громче, стараясь перекрыть рёв мотора: — Ты справишься.

Где-то вдалеке мелькнул свет фар встречной машины, но Глория уже не смотрела в окно, она уставилась в своё отражение в тёмном стекле, бледное с запавшими глазами и прилипшими к вискам рыжими прядями волос. В этом отражении она не узнавала себя, но она знала, что завтра будет другой день и он обязательно наступит, даже если она не знает, где проснётся.

Автобус уносил её в неизвестность, а город где на полу кухни остался Брэд, становился всё меньше.

Глава 2

«Мотель Золотая подкова»

Глория проснулась от того, что автобус резко дёрнулся и остановился. Хриплый голос водителя разнёсся по пустому салону:

— Конечная. Выходим.

Она открыла глаза, веки были тяжёлыми словно к ним привязали гири. Горло першило от сухости, а затылок ныл от неудобной позы, всю ночь она просидела прижавшись головой к холодному стеклу. Во рту стоял противный привкус, напоминающий ржавчину.

За окном было серо, раннее утро встретило её мутным светом, пробивающимся сквозь плотную пелену облаков. Город, в который она приехала, был ей совершенно не знаком, Форкс, она слышала название раньше, но никогда не бывала здесь. Маленький городок в штате Вашингтон, затерянный среди бескрайних лесов и бесконечных дождей. Кассирша на станции назвала его, тогда ей было всё равно куда ехать. Теперь она смотрела на серое небо, набухшее влагой и чувствовала как воздух здесь был тяжёлым, влажным, пропитанным хвоей и сырой землёй.

Автобус стоял на заасфальтированной площадке перед небольшим зданием автостанции. Никаких высоток, огней, просто одноэтажные дома, с облупившейся краской над крышами и бесконечная стена леса на горизонте.

Воздух пах гарью из старой печки и сыростью. Глория поднялась с сиденья, ноги затекли, колени дрожали, когда она шагнула в проход, взяла свою спортивную сумку, которую когда-то купила за пять долларов на распродаже и направилась к выходу.

Сойдя на асфальт, она остановилась и огляделась. Пустая площадь, две скамейки покрашенные выцветшей синей краской и ни одной живой души, кроме пожилого мужчины в телогрейке, который лениво подметал тротуар. Тишина была почти осязаемой, после ночного рёва двигателя она казалась неестественной, натянутой как струна. Где-то вдалеке каркнула ворона и звук эхом разнёсся между деревьями.

Глория выдохнула, приподнимая и опуская плечи, сделала несколько шагов по направлению к выходу со станции. Ноги сами несли её вперёд, хотя она понятия не имела куда идёт. Внутри под рёбрами затаилась ледяная пустота, она старалась не думать, что осталось в Сиэтле. Каждый раз, когда эта картина всплывала в сознании, она зажмуривалась и трясла головой, словно пыталась стряхнуть с себя прилипший кошмар.

Когда вышла за ворота автостанции, она очутилась на главной улице Форкса, город был крошечным, одна центральная улица с парой магазинов, закусочная с вывеской «Сьюзи», старая церковь с облупившимся куполом и бесконечные ели, которые росли прямо вдоль обочины. Людей почти не было, только женщина с дребезжащей коляской, спешащая куда-то по своим делам и старик сидящий на крыльце с чашкой кофе. Всё здесь казалось замедленным, застывшим во времени, это было так не похоже на вечно спешащий и шумный Сиэтл.

Холодный ветер пронизывал насквозь, забираясь под куртку, она поёжилась запахивая её плотнее. В кармане лежал кошелёк, достала его, раскрыла трясущими пальцами от холода и пересчитала деньги. Тридцать семь долларов мелкими купюрами и горсть мелочи, этого хватит на пару дней не больше.

Она побрела вдоль улицы, не разбирая дороги. Влажный ветер доносил запах мокрой хвои. Глория почти не смотрела по сторонам, пока взгляд не упал на вывеску, которая висела на двух ржавых цепях: Мотель «Золотая подкова». Вывеска была старой, буквы выцвели но тусклый жёлтый свет внутри помещения горел, обещающий хоть какой-то кров.

Глория толкнула тяжёлую стеклянную дверь, внутри пахло старой мебелью и сигаретным дымом. Стойка регистрации была деревянной, потёртой с царапинами от чьих-то ключей. За ней сидела женщина лет пятидесяти с жирными волосами собранными в пучок и читала дешё-

вый бульварный роман. Она подняла глаза на Глорию, не показывая удивления и сочувствия спросила:

— На ночь?

— Да, — голос Глории сел, она прокашлялась и повторила: — На одну ночь, сколько?

— Сорок баксов за номер. У нас самые дешёвые в городе, — женщина затянулась сигаретой и выпустила дым в потолок. — Двадцать, если без горячей воды и с общей кухней.

Глория замялась, у неё было тридцать семь, но всё же отдала двадцать, получила тяжёлый железный ключ с красной пластмассовой биркой, на которой было выцарапано «14» и побрела по длинному коридору со старым ковровым покрытием.

Номер оказался маленьким и тесным, с окном выходящим во внутренний двор, где стояли мусорные баки и сушилось бельё на провисших верёвках. Кровать была скрипучей, на ней покрывало сомнительной чистоты, а в углу пятно от протечки.

Глория закрыла дверь на щеколду, медленно сползла на пол привалившись спиной к кровати и замерла, глядя перед собой, боясь пошевелиться.

В комнате было тихо, только где-то за стеной гудел старый холодильник. Глория посмотрела на свои руки, на них всё ещё были следы масла, смешанные с тёмной засохшей кровью. Она не стала их мыть, просто сидела на полу глядя в одну точку и чувствовала как из неё по капле уходит что-то важное. Слёзы закончились ещё в той сиэтлской кухне, теперь была только пустота.

Она знала, что должна вызвать полицию, сказать им, что там произошло, что она ударила его, а потом он упал, что она не хотела. Телефон лежал в кармане, она успела ухватить его когда убегала, достала его и несколько раз набрала 911, дважды... трижды, но большой палец зависал над зелёной кнопкой вызова.

Один раз она даже нажала и услышала гудки, но тут же сбросила, швырнув телефон на кровать, как будто он обжог ей руки.

В голове звучал голос, чей-то чужой рациональный голос, который твердил: «Он мёртв. Ты убила его и сбежала. Теперь ты преступница. Если ты позвонишь, они посадят тебя на много лет» и другой тихий голос: «А что если он не умер? Что если он очнулся? Что если он сейчас стоит на кухне и звонит в полицию сам? Что если он скажет, что ты напала на него?» Глория зажмурилась, зажала уши руками и закусил губу, она сидела так долго, не двигаясь и не дыша, пока не перестала чувствовать ноги, а потом просто выключилась, провалилась в глубокий сон. Спала она прямо на полу, привалившись к кровати, в той же одежде.

Глория проснулась оттого, что за окном кто-то громко смеялся, она открыла глаза, свет был уже дневным, ярким но серым – типичное небо Форкса, вечно затянутое облаками. Часы на тумбочке показывали пол третьего, она проспала почти шесть часов.

Тело затекло, спина болела, она всё ещё чувствовала пустоту внутри. Она заставила себя подняться, размяла онемевшие ноги и посмотрела на себя в маленькое заляпанное зеркало

на стене. На неё смотрело чужое лицо, с рыжими волосами торчащими в разные стороны, с потрескавшимися губами.

Желудок громко заурчал, рука потянулась к животу, она не ела с прошлого утра. В сумке ничего не было, кроме документов, зарядки и пары футболок. Ей нужно было поесть и решить, что делать дальше.

Глория вышла в коридор разыскивая общую кухню, она была в конце коридора, большая комната со старой газовой плитой, раковиной и двумя деревянными столами. Запах был смешанным: варёная капуста, дешёвый кофе и чей-то сладкий парфюм. За одним из столов сидела девушка, которая сразу привлекла внимание Глории.

Она была необычной, невысокая с короткими пепельными волосами, небрежно зачёсанными назад, с ярко-синей прядью падающей на лоб. На ней была мужская футболка с какой-то панк-группой, драные джинсы и тяжёлые ботинки с металлическими вставками. Она пила кофе из большой кружки и судя по всему, была в отличном настроении, она напевала что-то себе под нос и покачивала головой в такт и в этот момент её взгляд упал на Глорию. Она машинально напряглась, уже готовилась услышать насмешку, колкость или вопрос, на который не сможет ответить.

Но девушка напротив лишь широко и искренне улыбнулась, совершенно не обращая внимания на то, как Глория выглядит.

— О! Новое лицо! — воскликнула она. — Привет! Я Лиззи. Ты сегодня заселилась?

Глория замаялась, она не привыкла к такой открытости.

Последний год в Сиэтле она приняла, что на неё либо смотрят с подозрением, либо вовсе игнорируют, но в голосе Лиззи не было ни капли фальши.

— Да, — ответила Глория тихо. — Сегодня утром, из Сиэтла.

— Ого! — Лиззи присвистнула. — Из самого Сиэтла? Ну тогда у тебя культурный шок, наверное. Здесь же медведи по улицам ходят, а не люди. — она засмеялась и смех был заразительным. — Держи, — Лиззи пододвинула вторую кружку и налила из термоса горячий кофе. — Ты выглядишь так, будто тебе это нужно больше, чем мне. Так как тебя зовут?

Глория не стала отказываться, она взяла кружку, села напротив Лиззи и сделала глоток, кофе был горьким и крепким, но он вернул её к жизни. Тепло разлилось по груди.

— Спасибо, — сказала она. — Я Глория.

— Да не за что, Глория, — махнула рукой Лиззи. — Я тут уже вторую неделю живу. Место дешёвое, хозяева не придираются, а кухня общая, удобно заводить новые знакомства. Ты куда путь держишь? Просто отдыхаешь или в Форксе по делу?

Глория не знала что ответить, она не могла сказать правду. Но ей хотелось поговорить, так сильно, что она чуть не заплакала.

— Я... я просто еду, — сказала она. — Отдыхаю. Нужно было уехать из Сиэтла. Надоело.

— Отлично! — Лиззи хлопнула ладонью по столу. — Самое лучшее время для отдыха. Форкс идеальное место, чтобы спрятаться от всего мира. Здесь никто никого не трогает, а чем ты занимаешься, если не секрет?

Глория задумалась, что она умеет? Она не работала последний год, Брэд запрещал ей работать, говорил, что она должна быть дома, ждать его и заботиться о нём. Но раньше, до него, в маленькой мастерской на окраине Сиэтла, где работал её отец...

— Я была автомехаником, — сказала она, удивляясь тому, как легко произнесла эти слова. — Ремонтировала машины и мотоциклы. В мастерской моего отца, ещё в Сиэтле.

Лиззи вдруг замерла, её глаза расширились.

— Ты шутишь? — воскликнула она подпрыгнув на стуле. — Ты реально шарить в моторах? Серьезно?

— Ну... да, — Глория пожала плечами и уставилась в кружку. — Двигатели, коробки передач, тормозная система. Я умею почти всё, с детства за отцом наблюдала, а потом сама начала.

Лиззи вскочила с места и забегала по кухне, энергично жестикулируя.

— Это же просто невероятно! — затараторила она. — Понимаешь, я работаю на мотогонках. Нелегальных, по вечерам, в лесу за старым складом. Там всегда нужны руки. Механики это дефицит, а я как раз знаю одну команду, которая ищет человека. Они не запрашивают документы, платят наличными и если ты реально умеешь работать с железом, то у тебя будет куча заказов! Ну что, пойдешь со мной?

Сердце Глории пропустило удар, она сжала кружку так, что побелели пальцы.

— Не знаю, — сказала она тихо. — Я... я не хочу привлекать внимание, просто хочу побыть одна.

— Эй, — Лиззи вдруг стала серьёзной. Она села напротив Глории и посмотрела ей в глаза. — Я не знаю, что у тебя случилось и я не спрашиваю. Знаю, что у людей бывают причины прятаться и я уважаю это. Но если ты останешься здесь без денег, никуда не двигаясь, ты просто застрянешь в этом мотеле и сойдешь с ума, а мотогонки не привлекают внимание полиции, поверь мне, они там все знают друг друга и если не нарываешься, тебя не трогают. И потом, Форкс маленький, здесь всё про всех знают, будешь торчать в мотеле, заметят быстрее чем на гонках, где полно народу.

Глория молчала, в груди боролись страх и голод. Страх был сильнее, но от голода кружилась голова. Она снова заглянула в кошелек, семнадцать долларов, только семнадцать. В Форксе, где работы почти нет, эти деньги растают за пару дней.

Подняла голову и встретила взглядом с Лиззи, в её глазах не было жалости или любопытства, только тепло, почти сестринское.

— Хорошо, — сказала Глория, голос дрожал и внутри все замирало. — Я поеду с тобой.

Лиззи широко улыбнулась и схватила её за руку.

— Не пожалеешь! — сказала она. — Поехали сейчас, пока не потемнело. Там уже все собираются. В лесу скоро стемнеет, а там дорогу без света не найти.

Они вышли на улицу и Лиззи показала на старенький мотоцикл припаркованный у входа, потёртый с пятнами от ржавчины, но с мощным, урчащим двигателем. Глория невольно задержалась взглядом на нём.

Старые привычки брали своё, она уже мысленно прикидывала, что там могло быть не в порядке, какой поршень мог барахлить.

— Блин... опять масло капает, — протянула Лиззи.

— Можно? — спрашивает Глория, не ожидая от себя смелости. Она присела возле мотоцикла, провела пальцами по двигателю, потом заглянула снизу. — Это не масло.

Лиззи удивлённо подняла голову.

— Что?

— Охлаждающая жидкость. Если так поездить, двигатель перегреется. — сказала Глория.

Лиззи моргнула.

— Ты серьёзно поняла это за десять секунд?

— Просто увидела, — ответила она, пожимая плечами.

— Ладно, залезай! Я обязана тебя познакомить с ребятами, — весело крикнула Лиззи, надевая шлем. — Держись за меня крепко. Дорога в лес покажется долгой.

Глория надела второй шлем, неуклюже забралась на сиденье и обхватила Лиззи руками. Мотор взревел, они выехали на дорогу и холодный, резкий ветер ударил в лицо. Город проносился мимо серыми пятнами: дома, заборы, редкие люди. Потом дома начали редеть, уступая место бесконечным елям, которые стояли стеной вдоль дороги. Глория зажмурилась, ей казалось, что она летит в пропасть, что удерживает её от падения в бездну.

Они ехали долго, пока дорога не свернула вглубь леса, где между деревьями замелькали огни. Лиззи свернула на грунтовку и вскоре они выехали к старому заброшенному складу, вокруг которого уже собралась толпа.

Глория прыгнула с мотоцикла и её оглушило, рёв моторов, громкая музыка доносившаяся из старых колонок, крики, смех, запах бензина и жжёной резины. Вокруг стояли десятки

мотоциклов, от старых харлеев, до современных спортивных. Везде горели прожекторы, освещающая импровизированную трассу, размеченную конусами и старыми шинами.

Люди в кожаных куртках и банданах перекрикивали друг друга, кто-то возился с моторами, кто-то пил пиво и курил. На мгновение ей показалось, что сейчас из толпы выйдет Брэд, что он схватит её за руку. Сердце болезненно ударилось о рёбра. Только через секунду она поняла, что всё ещё стоит посреди парковки мотоциклов, а вокруг совершенно чужие люди.

Глория вжала голову в плечи, здесь было слишком много людей, много шума и слишком много всего. Форкс казался тихим и сонным, но здесь в лесу, шла совсем другая жизнь, шумная, опасная, без правил.

Лиззи схватила её за руку, Глория инстинктивно вздрогнула, уже собралась бороться, но быстро успокоила себя, «Это просто Лиззи», она потащила её к группе мужчин, стоявших рядом с огромным зелёным мотоциклом, у которого было разбито переднее крыло.

— Эй, парни! — крикнула Лиззи. — Я нашла вам механика! Это Глория. Она знает своё дело, я обещаю. Она из Сиэтла, там с моторами работала.

Один из мужчин, высокий, лысый в промасленной майке, скептически оглядел Глорию с ног до головы.

Он явно не ожидал, что механиком окажется хрупкая, напуганная девушка с синяками под глазами. Вокруг него стояло ещё несколько человек и все они тоже уставились на Глорию с недоверием.

— Ты шутишь? — спросил он. — Она же выглядит так, будто её ветром сдует и вообще, девушка-механик? Серьёзно?

— Джек, просто дай ей шанс, — настаивала Лиззи. — Поверь мне, она знает, что делает.

Глория стояла прикусив губу. Потом почувствовала вдруг злость на саму себя, на этот страх который преследовал её последний год.

Она шагнула вперёд и заглянула под крыло мотоцикла, провела рукой по двигателю, прислушалась к тому, как он работает и сказала неожиданно уверенно:

— Поршневая группа стучит, у вас проблемы с масляным насосом. Если не заменить прокладку, он заклинит через два-три заезда.

Мужчины переглянулись, лысый Джек подошёл ближе, с удивлением. На его лице появилось любопытство.

— Ты по звуку определила? — спросил он.

— Да, — сказала Глория. — У меня слух на моторы. Отец научил.

Она опустила на колени, закатала рукава куртки и взялась за инструмент лежащий рядом. Её пальцы помнили, они знали как обращаться с болтами, с гайками и с деталями. Она

работала быстро, уверенно, почти механически, отключая в голове все лишние мысли. Вокруг неё собрался народ, кто-то свистнул, кто-то засмеялся, она слышала как парень позади сказал: «Ну, Лиззи, притащила ты нам сюрприз.» Через двадцать минут она выпрямилась.

— Готово, — сказала Глория, вытерла руки о тряпку и автоматически добавила: — Простите...

Она запнулась, за что именно она извиняется, Глория и сама не понимала. Наступила короткая тишина. Джек удивлённо посмотрел на неё, потом рассмеялся.

— За что извиняешься? Ты нам двигатель спасла. — он покачал головой и хлопнул её по плечу. — Ну что, Глория. Ты принята, оставайся, будешь работать с нами. Таких рук в Форксе днём с огнём не сыщешь.

Глория выдохнула, впервые за долгое время кто-то посмотрел на неё не как на бесполезную, а как на человека, который действительно умеет что-то делать.

В нескольких метрах от ангара, почти полностью скрытый тенью, стоял высокий мужчина, в чёрной футболке. Татуировки плотным узором закрывали обе руки и исчезали под рукавами. Он молча наблюдал, как незнакомая рыжеволосая девушка уверенно разбирает двигатель, он слышал как Джек хлопнул её по плечу и сказал:

— Ты принята.

Мужчина едва заметно усмехнулся. Докурил сигарету, затушил окурок носком тяжёлого ботинка и так же молча ушёл в глубину ангара, где среди остальных мотоциклов стоял его чёрный харлей.

Глория оглядываясь на ревущие моторы и мигающие огни, почувствовала чей-то взгляд. Она обернулась, но в той стороне никого не было, только тени, тусклый свет от прожекторов и густая стена леса за пределами ангара.

«Показалось», — подумала она и шагнула вперёд, в шум, в свет и в новую жизнь. Впервые с того момента, как она выбежала из сиэтлской квартиры, она не думала о Брэде, она думала о том, как починить двигатель, который застучал в темноте и о том как заработать немного денег, чтобы пережить завтрашний день.

Форкс принимал её. Пока что с недоверием и настороженностью, но принимал и это было уже началом.

Глава 3

«Ночной лес»

Глория не заметила, когда перестала дрожать. Сначала она сжимала инструменты так сильно, что костяшки пальцев белели. Каждый резкий звук и смех за спиной, скрежет металла, внезапный крик, заставлял её вздрагивать и на мгновение замирать, вслушиваясь, не идёт ли кто-то за ней. Но прошло полчаса, потом час и она поняла, что никто не смотрит на неё с подозрением, никто не тянется к ней с требованием или обвинением. Здесь все были заняты собой.

Она чинила только тот зелёный мотоцикл, потом к ней подошёл парень в кожаном жилете и сдвинул кепку на затылок.

— Слушай, — он кивнул на чёрный спортбайк. — Лиззи сказала, ты в моторах разбираешься, не глянешь тормоза? Что-то передний рычаг какой-то ватный.

Глория поднялась, вытерла ладони о тряпку.

— Покажи.

Парень подвёл её к мотоциклу. Она присела на корточки, несколько раз нажала на рычаг тормоза, внимательно посмотрела на суппорт, затем провела пальцем по тормозному шлангу.

— Воздух в системе, спокойно сказала она. — И соединение здесь слегка подтекает, из-за этого давление теряется.

— Серьёзно? А я уже думал колодки менять.

— Не стоит, сначала прокачаем.

Она взяла инструменты и принялась за работу. Пальцы двигались быстро и уверенно. Через пятнадцать минут Глория вытерла руки о ветошь и протянула ему ключ.

— Попробуй теперь.

Парень несколько раз нажал на рычаг, потом удивлённо улыбнулся.

— Чёрт... Совсем другое дело.

Он уважительно посмотрел на неё, достал из кармана сложенную купюру и вложил ей в ладонь.

— Двадцать баксов. Заслужила.

Глория растерянно посмотрела на деньги.

— Не надо... Это же мелочь.

— Мелочь? — парень усмехнулся. — Ты за пятнадцать минут избавила меня от проблемы, с которой я возился полдня. Бери не отказывайся.

Она нерешительно кивнула.

— Спасибо, — голос тихий, она взяла купюру немного трясущими руками.

— Нет, это тебе спасибо. Ты реально спец. — сказал парень и ушёл.

Через некоторое время подошёл ещё один и ещё. Через два часа у неё уже была небольшая очередь. Кто-то просил проверить цепь, кто-то жаловался на странный звук в подвеске или просто хотел, чтобы она послушала, как работает двигатель и сказала, всё ли в порядке. И Глория слушала, она наклонялась к моторам, прикрывала глаза и вслушивалась в их ритм, как врач слушает сердце пациента. Она забывала о том, где находится, забывала о людях вокруг, о Сиэтле.

В мире оставались только двигатели, их шёпот, капризы и её руки, которые знали, как с ними говорить.

Она не заметила, что за её работой наблюдают. Несколько человек стояли в стороне и переглядывались. Джек, лысый механик, подошёл к Лиззи и тихо сказал:

— Ты где её нашла? Она же работает как бог.

— В мотеле, — усмехнулась Лиззи. — Зашла на кухню и выглядела так, будто мир рухнул, а теперь глянь на неё.

Джек покачал головой и улыбнулся.

— Пусть остаётся.

Глория ничего этого не слышала, она была в своём мире, в мире болтов, гаек и масла.

Лиззи подошла, когда Глория уже заканчивала возиться с третьим мотоциклом, старым ямахой с пробитым глушителем. Лиззи бесцеремонно плюхнулась рядом на ящик из-под инструментов и протянула ей бутылку газировки.

— Глория, — сказала она, — Это просто магия. Ты тут уже три часа и даже не отдохнула. Ты вообще человек?

Глория взяла бутылку, сделала глоток и только тогда заметила, что горло пересохло. Делая небольшие глотки она смотрела на свои руки, они были все в масле, с чёрными полосами, доходившими до локтей. На её лице растянулась незаметная улыбка.

— Просто я соскучилась по этому, — сказала она тихо. — По... нормальной работе.

Лиззи понимающе кивнула. Она не стала спрашивать, что именно Глория имела в виду. Вместо этого она вскочила и схватила её за руку.

— Пойдём, я познакомлю тебя с остальными. Тут не все такие дружелюбные, как Джек. Некоторые считают, что девушкам не место у мотора. Так что готовься.

Глория напряглась, ей не хотелось ни с кем знакомиться. Она хотела просто спрятаться за мотоциклами и работать до тех пор, пока не исчезнут все мысли. Но Лиззи уже тащила её в центр толпы, где стояла группа мужчин.

— Ребята! — крикнула Лиззи, перекрывая рёв моторов. — Это Глория. Она сегодня первый раз, но уже всё перечинила, не будьте идиотами.

Мужчины обернулись. Здоровый бородатый парень в потёртой куртке и с серьгой в ухе улыбнулся и кивнул, кто-то просто пожал плечами и вернулся к своему мотоциклу, а один худой, с жёстким лицом и колючим взглядом, усмехнулся и сказал громко, чтобы все слышали:

— Механик? Она? Да она выглядит так, будто не знает, с какой стороны за инструмент браться. Ты, Лиззи, опять притащила какую-то беглянку из города?

Лиззи открыла рот, чтобы ответить, но Глория вдруг почувствовала, как кровь ударила в лицо. Она шагнула вперёд, сама не зная зачем и сказала ровно:

— Хочешь проверить? Давай твой мотоцикл. Если я не найду за пять минут то, что с ним не так, я уйду. Если найду, ты извинишься.

Наступила тишина. Худой парень удивлённо приподнял бровь, Лиззи замерла рядом и прошептала:

— Глория...

— Нет, — сказала Глория, не сводя взгляда с него. — Он же такой смелый, пусть докажет.

Парень оскалился, но кивнул, отвёл её к своему мотоциклу, новому, блестящему, явно дорогому. Глория обошла его, наклонилась, прислушалась к работе двигателя и через минуту уже знала в чём проблема.

— У тебя топливный фильтр забит, — сказала она, выпрямляясь. — И датчик температуры врёт. Через пару таких гонок двигатель просто встанет, за пять минут не сделаю, но скажу, как починить.

Худой парень открыл рот, потом закрыл, явно не ожидал, что она так быстро что-то найдёт. Проверил фильтр, увидел проблему и молча посмотрел на Глорию. Лиззи засмеялась и хлопнула в ладоши.

— Ну что, Тони, извиняйся!

Тони нахмурился, но сдался. Он буркнул что-то вроде «ладно, ты молодец» и отвернулся. Глория выдохнула, ладони дрожали, но где-то внутри разливалось странное, забытое чувство гордости. Она сделала это сама. Лиззи обняла её за плечи.

— Глория, ты просто огонь, — сказала она. — Пойдём, я покажу тебе свой любимый байк. Там тоже есть что починить.

Глория уже хотела согласиться, когда заметила его.

Мужчина стоял в тени, у самого края ангара. Он держал в руках шлем и просто смотрел в их сторону. Глория встретилась с ним взглядом на секунду и ей показалось, что в его глазах мелькнуло любопытство или интерес.

Она отвела взгляд, чувствуя как щёки стали тёплыми. Глупо, подумала она, ей нечего бояться. Этот человек просто смотрит.

— Кто это? — спросила она у Лиззи, стараясь говорить небрежно. Лиззи проследила за её взглядом и усмехнулась.

— А, это Стив, он тут тихоня. Почти не разговаривает, но ездит лучше всех и не подходит к его мотоциклу без разрешения. Он даже мне не даёт трогать его харлей.

Глория снова мельком взглянула на него. Он уже смотрел куда-то в сторону гонок. Она покачала головой, прогоняя странное чувство и сказала:

— Пойдём, покажешь свой байк.

Но стоило ей повернуться, как она заметила, что он направляется к ней. Не спеша, лёгким, ленивым шагом.

Он остановился в двух метрах от неё, поставил свой мотоцикл перед ней и коротко, без лишних слов сказал:

— После последней гонки двигатель странно работает. На скорости начинает трясти.

Глория моргнула, она не ожидала, что он заговорит первым. Голос у него был низким.

— Можно? — спросила она, указывая на байк.

Он кивнул, после этого опустилась на колени, провела рукой по двигателю, прислушалась. Мотоцикл был чёрным, без единой царапины, ухоженным, почти идеальным. Но когда она нажала на педаль и дала мотору немного поработать, она услышала то, чего не должно было быть, едва заметное постукивание.

— У тебя свечи зажигания, — сказала она, выпрямляясь и заглядывая ему в глаза. — Одна из них отходит. Менять надо, но можно пока затянуть. Через пару дней всё равно придётся ставить новые.

Он смотрел на неё с изучающим выражением и Глория почувствовала себя неловко. Она привыкла к тому, что люди говорят много, быстро и шумно. Он же молчал, просто смотрел на неё так, будто читал книгу.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Делай.

Она взялась за инструменты и начала работать. Пальцы дрожали чуть заметно, но она заставляла себя не обращать на это внимания. Он стоял рядом, чуть позади и чувствовала его присутствие спокойное, как скала. Он не торопил её, не комментировал, просто ждал.

— Откуда ты знаешь? — вдруг спросил он.

Глория не сразу поняла, о чём он.

— Слух, — сказала она, не оборачиваясь. — Я с детства слушаю моторы. Отец говорил, что у них душа, у каждого свой голос.

Она замолчала, удивляясь тому, что выболтала это незнакомцу. Но он не усмехнулся и не спросил, не шутит ли она. просто сказал:

— У отца была мастерская?

Она кивнула, не поворачивая головы.

— Да, в Сиэтле. Он умер, а мастерскую продали.

Стив не сказал «соболезную», просто замолчал и это молчание было теплее, чем любые пустые слова.

Она вкручивала свечу, когда взгляд упал на его руки. Татуировки закрывали почти всю кожу, тёмные линии, изгибы, пламя и драконы, уходящие под рукава. Одна из татуировок особенно привлекла внимание, на левом предплечье была изображена роза, тонкая и изящная, почти женственная, на фоне грубых, чёрных линий.

— Ты сам выбирал рисунки? — спросила она, даже не подумав, что вторгается в личное пространство.

Он не ответил сразу, она уже пожалела, что спросила, но через пару секунд он сказал:

— Да, каждая, что-то своё.

И замолчал, Глория поняла, что больше он говорить об этом не будет.

— Ты всегда такой молчаливый? — спросила она.

— Да. — ответил он коротко.

Она не хотела больше задавать лишних вопросов и нарываться на неприятности, взяла инструмент, закончила работу и выпрямилась.

— Готово, — сказала она. — Попробуй.

Стив сел на мотоцикл, завёл двигатель. Мотор заурчал ровно, без помех. Он внимательно слушал, потом кивнул.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

И уехал, без прощания, исчез в темноте. Глория смотрела ему вслед, чувствуя странную смесь облегчения и пустоты.

Следующие часы прошли в рёве моторов, суете и смехе. Гонки начались, Глория стояла у края трассы, наблюдая за тем, как мотоциклы один за другим уходят в тёмный лес, освещённый только тусклыми прожекторами и фарами. Она видела Стива, он ехал вторым, уверенно

держась за лидером, не пытаясь обогнать, но и не отставая. Она почти расслабилась, а потом всё случилось за секунду.

На повороте один из гонщиков, молодой парень, которого она видела раньше, но не запомнила имени, слишком резко ушёл в вираж. Его мотоцикл занесло и Глория увидела, как он летит в воздухе, отделяясь от байка, как нелепо и страшно падает на землю, а мотоцикл катится дальше, взметая фонтан щебня. Крики, визг тормозов, чьи-то голоса, перекрывающие рёв двигателей.

Глория замерла, внутри всё сжалось, она снова оказалась там, на кухне, на холодном кафеле, в луже крови и не могла пошевелиться. Но кто-то уже бежал, быстро и уверенно, как будто знал, что делает. Стив.

Он был у пострадавшего раньше, чем кто-либо другой. Опустился на колени рядом с парнем, который стонал и хрипел, прижимая руку к боку.

Глория видела, как Стив не паникуя наклонился к нему, заговорил тихо и ровно, откинул куртку и осмотрел плечо. Он снял с себя футболку, чтобы перевязать рану и его движения были настолько спокойными и точными, что Глория перестала дышать.

— Ребра, — услышала она его голос, короткий, командирский, обращённый к кому-то рядом. — Возможно, сломаны, дышит нормально, но плечо выбито. Позвоните в скорую.

Он перевернул парня на бок, чтобы тот не захлебнулся и зафиксировал руку. Глория подошла ближе машинально, не понимая зачем. Она смотрела как его руки, аккуратно и профессионально накладывали импровизированную повязку.

— Откуда ты это умеешь? — спросила она. Голос прозвучал тихо, почти шёпотом.

Стив поднял на неё глаза и в них мелькнуло удивление, он забыл, что она рядом.

— Случайно, — ответил он коротко и снова уткнулся в парня.

Но Глория не поверила. Такие «случайные» вещи не знают наизусть. Она видела это, он знал медицинские термины, был уверен, не колебался, он был не просто гонщиком, он был кем-то ещё.

— Медицинские термины не учат случайно, — сказала она. — Ты что, врач?

Стив выпрямился, посмотрел на неё внимательно, а потом усмехнулся, но в усмешке не было злости скорее лёгкая, почти грустная ирония.

— Давно, — сказал он. — Это было в другой жизни.

И он не добавил больше ни слова, встав и отойдя в сторону, чтобы уступить место подбежавшим с носилками.

Гонки прекратились, парня увезли. Все разошлись, переговариваясь и куря. Глория стояла у края трассы и смотрела на то, как медленно гаснут огни.

Ночь была тёмной и холодной, где-то в лесу ухала сова и влажный ветер доносил запах хвои и сырости. Лиззи подошла к ней, зевая.

— Я сейчас не очень... — сказала она. — Честно, устала.

Стоявший рядом Стив снял шлем и сказал.

— Я её отвезу, — сказал он ровно. — Всё равно мимо мотеля еду.

Лиззи удивлённо подняла бровь, но взглянув на Глорию, усмехнулась.

— Ну, если ты не против, Глория...

Глория замялась, она не знала этого человека. Он был почти незнакомцем, но в его голосе не было давления.

— Хорошо, — сказала она, удивляясь самой себе.

Она забралась на его мотоцикл, неуклюже держась за сиденье, пока он не сказал:

— Держись за меня, иначе упадёшь.

Она медленно обхватила его за пояс. Его тело было тёплым, несмотря на ночной холод. Мотор взревел и они выехали из леса.

Дорога была длинной и тёмной. Вокруг только деревья и тусклый свет фар, разрезающий темноту и гул мотора. Они почти не разговаривали, ветер заглушал слова. Странно... За всю дорогу ей ни разу не захотелось попросить остановиться. Впервые она не ждала, что человек впереди не закричит или разозлится.

Когда они остановились у мотеля, она слезла и ноги её чуть дрожали. Он снял шлем, посмотрел на неё внимательно, но без напряжения.

— Неплохо работаешь с железом, — сказал он спокойно.

Глория тепло улыбнулась.

— Спасибо.

Стив коротко кивнул, завёл двигатель и уехал. Глория ещё несколько секунд стояла на пустой улице, глядя на дорогу, по которой он уехал. Она не понимала, почему её взгляд всё ещё прикован к тому месту, где исчезли его фары.

Глория вошла в мотель, закрыла за собой дверь и легла на кровать, не раздеваясь. Смотрела в потолок и слушала тишину. Шум мотора всё ещё звучал у неё в ушах.

В эту ночь ей за долгое время не снился Брэд. Она просто спала, без страха и слёз, спала как человек, который наконец-то позволил себе отдохнуть.

Глава 4

«Сказать «да» самой себе»

Глория проснулась от того, что за окном пели птицы. Она открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к этому звуку. Птицы в Сиэтле тоже пели по утрам, но там их голоса тонули в шуме машин и в вечной городской суете. Здесь же было тихо, так тихо, что слышно было каждое щебетание, каждый шорох листьев за окном.

На её лице была улыбка, тело было лёгким и плечи не болели от напряжения. Она не просыпалась от крика, не вскакивала в холодном поту, не шарила рукой по кровати, проверяя одна ли она.

Глория села на кровати, потянулась и почувствовала, как хрустнули позвонки. В окно пробивался солнечный свет, редкое явление для Форкса. Обычно небо здесь было серым и влажным, но сегодня облака расступились и в комнату заглядывало солнце, тёплое, жёлтое и ласковое.

Она подошла к окну и выглянула наружу. Мотель «Золотая подкова» выглядел почти уютным в этом свете. Двор, который вчера казался унылым и грязным, теперь казался просто старым, но мирным. Бельё на верёвках сушилось на ветру, где-то вдалеке лаяла собака и всё это было каким-то правильным.

Ноги сами принесли её к маленькому зеркалу на стене. В отражении была всё та же расчёпанная девушка с синяками под глазами. Но она знала, что-то случилось, перевернулось что-то внутри и это отразилось на лице. Может в глазах или в той странной улыбке, которая сама собой возникла на губах.

Она плеснула в лицо холодной водой, натянула первую попавшуюся одежду и не оглядываясь шагнула в коридор. Переступила порог кухни и остановилась. Лиззи уже сидела за столом, пила кофе и читала что-то в телефоне. Увидев Глорию, она широко улыбнулась и отложила телефон.

— О! Ну ты сегодня прямо сияешь! — сказала она. — Что, выпалась?

— Выпалась, — кивнула Глория, садясь напротив. — И вообще... не знаю. Настроение какое-то хорошее.

— И правильно! — Лиззи пододвинула к ней кружку с кофе. — Ты вчера просто всех уделала. Джек до сих пор ходит и рассказывает всем, что нашёл гения. Ты даже не представляешь, сколько людей спрашивали про тебя.

Глория взяла кружку, сделала глоток и улыбнулась в горячий кофе.

— Правда?

— Абсолютная! Я ему говорю: «Джек, ты бы ещё объявление в газету дал», а он: «А что, хорошая идея!» — Лиззи засмеялась и смех её был заразительным. — Так что теперь ты местная знаменитость.

Глория засмеялась вместе с ней. Ей было странно и приятно слышать, что о ней говорят хорошо. Она привыкла, что о ней говорили за спиной, но с осуждением и с жалостью, а здесь с уважением.

Достала кошелёк и пересчитала деньги. Вчерашний заработок, почти пятьдесят долларов, плюс те семнадцать, что остались. Она смотрела на смятые купюры и чувствовала, как внутри поднимается тёплая волна.

Семьдесят долларов. Для кого-то это были копейки. Для неё целое состояние. Она могла заплатить за мотель ещё на несколько дней, купить еды, могла... она могла просто остаться и это было самым удивительным.

Она не думала о побеге, не думала о том, сколько денег ей нужно, чтобы уехать ещё дальше, в никуда. Думала о сегодняшнем вечере, о том, что снова увидит Лиззи, Джека, что будет работать с моторами, слушать их, чувствовать как масло стекает по пальцам.

— Сколько у тебя? — спросила Лиззи, заглядывая в кошелёк.

— Около семидесяти, — ответила Глория.

— Ого! — Лиззи присвистнула. — Да у тебя целое состояние! На эти деньги в Форксе можно неделю жить, не тужить.

Глория улыбнулась и сжала купюры в кулаке.

— Значит, остаюсь, — сказала она и эти слова прозвучали как решение, которое она приняла сама.

Вечером они снова поехали в лес и Глория заметила, что больше не боится этой дороги. Ветер в лицо, запах хвои, мелькающие деревья, всё это уже не казалось чужим и пугающим. Это становилось привычным, родным.

Когда они подъехали к ангару, она прыгнула с мотоцикла и уверенно направилась к рабочему столу. Внутри уже было шумно илюдно, но теперь Глория не вжимала голову в плечи, она шла прямо, смотрела по сторонам и даже улыбалась, когда кто-то кивал ей в знак приветствия.

— Глория! — крикнул Джек из глубины ангара. — Иди сюда, тут опять один придурок сломал подвеску!

Она засмеялась и пошла на его голос.

Следующие несколько часов пролетели как одно мгновение. Глория работала, не замечая времени, ей нравилось, что к ней подходят с уважением, что её спрашивают совета, что она здесь нужна.

Иногда чувствовала взгляд, поднимает голову, это Стив стоит возле своего харлея и спокойно наблюдает.

Кто-то подошёл с проблемой в двигателе, она решила её за пятнадцать минут, кто-то попросил настроить тормоза, она справилась за десять. К ней обращались снова и снова и каждый раз ей было всё приятнее там находиться. Лиззи была рядом, шутила, смеялась, рассказывала какие-то истории про гонщиков.

— Ты знаешь, что Тони вчера чуть не въехал в дерево? — спросила она, подмигивая.

— Потому что тормоза были плохие, — сказала Глория, вытирая руки о тряпку.

— А сегодня он приехал и сказал, что тормоза как новые. Ты Глория, реально спасаешь жизни.

Они засмеялись. После того как последний мотоцикл был починен, кто-то из компании громко предложил:

— Пойдём, поиграем в бильярд!

Глория открыла рот, чтобы сказать «нет». Она никогда не играла в бильярд, не любила бары, шум, компании. Она хотела просто отдохнуть и побыть наедине с собой. Но она услышала свой голос:

— Пойдём.

Удивление мелькнуло у неё в голове, но она не стала передумывать.

Через некоторое время компания собралась у бильярдного стола в небольшом баре. Глория взяла кий неуверенно и попыталась встать в стойку, чтобы ударить по шару.

— Так... — протянул Джек. — Кажется, мы нашли человека, который может перебрать двигатель вслепую, но не знает как играть в бильярд.

Все засмеялись. Глория выпрямилась, она чувствовала как руки начинают потеть и сердце сжималось.

Раньше после такого смеха она бы сразу извинилась, отложила кий и отошла в сторону, но Лиззи подошла к ней, легко толкнула плечом.

— Да не переживай, мы все первый раз играли как полные идиоты.

— Особенно Джек, — крикнул кто-то из дальнего конца комнаты.

— Эй! — крикнул в ответ Джек смотря в конец комнаты на парня.

Компания снова рассмеялась и только тогда Глория поняла, что смеются не над ней. Они смеялись вместе с ней, улыбнулась и подняла взгляд, Стив стоял прислонившись плечом к стене и едва заметно улыбался. Потом кто-то сказал:

— Надо сфотографироваться всей компанией! Сегодня же исторический день, Джек впервые признал, что ошибался!

Все засмеялись, Глория тихонько сказала:

— Конечно.

И встала в центр компании, чувствуя как чьи-то руки обнимают её за плечи, она слегка повернула голову, пытаясь понять, кто обнял её. Стив. Он стоял совсем рядом, одной рукой придерживал её за плечо, а другой держал шлем. В объектив он смотрел спокойно, будто это было самой обычной вещью в мире, а Глория неожиданно поняла, что совсем не хочет делать шаг в сторону. Потом Лиззи предложила:

— А давайте прокатимся по лесной дороге перед гонками? Погода отличная!

Глория кивнула:

— Поехали.

И она поехала, ветер снова бил в лицо, деревья проносились мимо и Глория поймала себя на том, что смеётся от восторга. Она не знала, куда они едут и это было замечательно. Впервые за долгое время она не контролировала каждый свой шаг, а просто жила.

Когда они вернулись, кто-то принёс коробку пива. Глория взяла банку и не задумываясь, сделала глоток. Пиво было холодным и горьким, но почему-то вкусным.

— Так, — сказала Лиззи, садясь рядом с ней. — А теперь объясни мне, как ты это делаешь?

— Что? — посмотрела она на неё вопросительным взглядом.

— Ты сегодня согласилась на всё. Бильярд, фото, лесная дорога, пиво. Всё хорошо? — Лиззи улыбнулась, но в её голосе слышалось любопытство. Глория задумалась, она действительно согласилась на всё. Но при этом... ей было весело.

— Я не знаю, — сказала она честно. — Просто сегодня всё как-то легко, не хочется отказываться.

Лиззи понимающе кивнула.

— Это хорошо. Ты выглядишь счастливой.

Глория улыбнулась. Она и забыла, что это слово существует.

Позже, когда стемнело, компания перебралась к костру. Огонь трещал, выбрасывая вверх искры, где-то играла музыка, кто-то уже танцевал. Глория сидела на бревне, глядя на пламя. Рядом сидела Лиззи. Она была в приподнятом настроении, пила пиво и громко смеялась над шутками парней. Глория слушала её вполуха, просто наслаждаясь тем, что она здесь, что она часть этого вечера.

Лиззи вытянула руку над огнём, на внутренней стороне запястья, Глория мельком заметила маленькую лису, нарисованную тонкими чёрными линиями.

— Красивая, — сказала она.

— Спасибо. — Лиззи провела пальцем по рисунку. — это моя первая.

— Почему именно лиса? — Глория протянула руку и повторила движения Лиззи.

— Потому что я всегда убегала от проблем, — ответила она и улыбнулась. — А потом поняла, что иногда надо не убегать, а кусаться.

Глория тихо рассмеялась, рядом сидевший парень закатал рукава, на его плече красовался огромный волк.

— А это мне Стив набил, — сказал он.

— И мне.

— Мне тоже.

Почти одновременно откликнулись ещё несколько человек.

— Всем? — спросила она удивлённо осматривая компанию.

— Почти, — ответила Лиззи улыбаясь. — Он у нас ещё и татуировщик.

Глория удивлённо подняла бровь.

— А ты думала, откуда у него столько татуировок? — засмеялась Лиззи. — Он сам себе почти всё сделал и не только себе. Стив если захочет, может такое нарисовать, пальчики оближешь. В прошлом учился на художника, потом как-то в тату-салоне работал. Но это было давно, он теперь редко соглашается, только если очень попросить.

Глория смотрела на Стива, он как раз закончил разговор и отошёл от Джека, направившись к костру. Татуировки на его руках мерцали в свете пламени, тёмные линии, пламя, драконы, роза на предплечье. Она вдруг вспомнила, как вчера он ответил на её вопрос про рисунки: «Каждая — что-то своё».

Тогда она не придавала этому значения, а теперь слова Лиззи складывались в картинку. Художник, татуировщик. Он не просто выбирал рисунки, а создавал их.

— И что, ты хочешь к нему? — спросила Глория.

— Ну да! — Лиззи загорелась. — Мы уже говорили с ним, он вроде согласился. Завтра после гонок, если все будут свободны. Пойдёшь с нами? Будет весело! Ты же ни разу не пробовала, наверное?

Глория открыла рот, она никогда не думала о татуировках, ей казалось, что это не для неё. Слишком заметно, слишком смело, слишком... постоянно. Но она посмотрела на Стива, который как раз сел у костра.

— Да, пойду.

Слова сорвались прежде, чем она успела подумать. Она никогда раньше не хотела татуировку, но отказаться почему-то не смогла или... не захотела. Лиззи захлопала в ладоши.

— Отлично! Я знала, что ты не откажешься!

Глория улыбнулась и перевела взгляд на огонь. Она заметила, что Стив смотрит на неё. Его взгляд был спокойным, внимательным, она встретила с ним взглядом на мгновение и он слегка наклонил голову будто спрашивал: «Ты уверена?» Или просто хотел понять, что она здесь делает, среди них у этого костра. Она улыбнулась ему, не натянуто. Он не ответил, но в его глазах мелькнуло понимание и перевёл взгляд на огонь. Они сидели так, не разговаривая, но чувствуя присутствие друг друга. Через некоторое время Глория поймала себя на том, что смотрит на его татуировки. Теперь зная, что он сделал их сам, они казались ей ещё более удивительными.

Она мысленно повторяла его слова: «Каждая — что-то своё» и ей захотелось узнать, что именно.

— Стив, — сказала Лиззи громко, перекрывая шум. — Ты же завтра нас приметишь?

Стив поднял взгляд, чуть заметно усмехнулся.

— Если вы не перепьёте до состояния, что я потом не смогу нарисовать прямую линию, — ответил он.

Компания засмеялась. Глория тоже улыбнулась.

— А ты пойдёшь? — спросил Стив, глядя на неё.

Глория на мгновение растерялась, но потом кивнула.

— Да, — сказала она. — Пойду.

Он снова посмотрел на неё тем же внимательным взглядом.

— Ты вообще хоть раз говоришь нет? — спросил он тихо, чтобы слышала только она.

Вопрос прозвучал не как насмешка. скорее как попытка понять. Она уже хотела ответить и вдруг поняла, что всю жизнь говорила да. «Да Брэд», «да, я виновата», «да, я останусь дома», «да, я больше не буду работать». Но каждое её «да» было чужим, сегодня всё было иначе, она соглашалась, потому что сама хотела.

— Может быть, — сказала она глядя на Стива. — Но сегодня я хочу говорить да.

Стив посмотрел на неё внимательно, будто пытался понять, сколько боли может скрываться за такой простой фразой, потом слегка кивнул и отвернулся к костру. Глория почувствовала, как внутри разливается лёгкое тепло.

Гонки закончились далеко за полночь. Костер уже догорал, компания начала расходиться. Глория сидела на бревне и смотрела на угли, чувствуя как усталость разливается по телу. Лиззи подошла и плюхнулась рядом.

— Завтра, значит, после гонок к Стиву? — спросила она.

— Конечно, — ответила Глория.

Лиззи улыбнулась.

— А потом гонять?

— Можно и погонять, — улыбнулась она.

— А потом в бар?

Глория засмеялась, смех вырвался сам собой, громкий, искренний. Она посмотрела на Лиззи и сказала:

— Почему бы и нет?

Лиззи довольно хлопнула её по плечу.

— Вот это я понимаю! Ты начинаешь мне нравиться всё больше, Глория.

Они засмеялись вместе. Стив проходил мимо, держа в руках шлем. Он слышал их разговор и слегка улыбнулся, качая головой.

— Похоже, тебя скоро втянут во все местные приключения, — сказал он, останавливаясь на мгновение.

Глория подняла на него взгляд и ответила с улыбкой:

— Может... именно этого мне сейчас и не хватало.

Стив усмехнулся. Он смотрел на неё несколько секунд, потом спросил:

— Ты серьёзно хочешь татуировку? Или просто, потому что все идут?

Вопрос был неожиданным. Глория задумалась, она действительно хотела? Она не придавала этому значения, пока не представила, что на теле будет, что-то личное и значимое. И от этой мысли в груди потеплело.

— Я хочу попробовать, — сказала она честно. — Не знаю, понравится ли мне, но я хочу попробовать.

Стив кивнул, будто услышал то, что хотел услышать.

— Тогда завтра увидимся, — сказал он.

И пошёл к своему мотоциклу. Глория смотрела ему вслед с еле уловимой улыбкой, потом перевела взгляд на Лиззи, на Джека, который громко спорил с кем-то у мотоцикла, на других гонщиков, которые собирались в кружок, смеялись, обсуждали планы на завтра. Они были шумными, суетливыми, странными. Но они были настоящими и она была с ними. Она смотрела на эту компанию и понимала: ей хочется не убежать, а хочется остаться. Глория не знала, что ждёт её завтра, не знала придут ли новости из Сиэтла, догонит ли её прошлое. Но сейчас, сидя у догорающего костра в тёмном лесу, она чувствовала себя живой.

Подняла свой взгляд на небо, где сквозь ветви деревьев проглядывали звёзды и улыбнулась. Подняла руку и провела пальцами по запястью. Когда-то там виднелись синяки, она помнила каждый из них. Завтра на этом месте, возможно появится первый рисунок, не след оставленный чужими руками, а выбор который она сделает сама. Улыбка не сходила с её лица.

— Завтра...

Впервые это слово не пугало её, оно обещало что-то хорошее.

Глава 5

«То, что выбираешь сам»

Гараж стоял в глубине леса, в стороне от основной дороги. С виду он ничем не отличался от десятка других заброшенных строений, которые Глория видела по пути в Форкс, облупившаяся краска, ржавые ворота, покосившаяся крыша. Но внутри всё было по-другому.

Когда она вошла и огляделась, её встретил тёплый жёлтый свет, мягкий и уютный. В углу стояла старая лампа с абажуром, на стене висели эскизы, десятки рисунков, набросков нанесённых на бумагу линий и теней. Пахло кофе, никакой стерильности, никакого холода медицинского кабинета. Просто старый гараж, который Стив превратил в мастерскую.

Музыка тихо играла из старого магнитофона, что-то джазовое, с медленным саксофоном. Лиззи уже сидела на стуле в центре, болтала ногами и пила пиво из банки.

— Ну и долго ты собираешься? — крикнула она Стиву в глубину гаража. — Я уже готова!

Из-за старого стеллажа вышел Стив. Он был в чёрной майке, татуировки теперь были видны до самых плеч, он держал в руках аппарат, проверял иглу и движения его были неторопливыми, спокойными.

— Успеешь, — сказал он коротко. Посмотрел на Глорию и кивнул в сторону дивана. — Садись.

Она посмотрела на старый диван в углу и села, сжимая руки на коленях, она нервничала. Пальцы слегка дрожали, но заставляла себя дышать ровно, она не знала, чего боится больше, самой татуировки или того, что сейчас окажется в центре внимания.

Но на неё никто не смотрел. Все занимались своими делами, парни спорили о мотоциклах, кто-то наливал кофе из термоса, Джек листал альбом с эскизами и что-то бормотал себе под нос. Атмосфера была лёгкой, почти домашней. Лиззи уселась на стул и закатала рукав, показывая плечо.

— Я хочу здесь. Маленькую, но красивую, — сказала она. — Ты же знаешь, что я люблю.

Стив кивнул, сел напротив и Глория замерла, наблюдая. Он перестал быть тем молчаливым парнем у костра, перестал быть гонщиком, который смотрит на неё внимательным взглядом. Он стал художником, сосредоточенным и аккуратным. Его руки двигались плавно, без лишней суеты и даже шум аппарата казался ритмичным и музыкальным.

Он работал молча и в этой тишине было что-то успокаивающее. Глория смотрела на то, как его пальцы держат аппарат, как он наклоняется к плечу Лиззи, как иногда останавливается и подправляет линию, он никуда не торопился, просто делал своё дело и это было красиво. Лиззи сидела неподвижно, почти не морщась.

— Ну как, Глория, — сказала она, поворачивая голову. — Страшно?

— Немного, — ответила она и нервно улыбнулась.

— Это просто боль, — сказал Стив, не поднимая взгляда. — Она не опасна.

Глория почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. «Просто боль», раньше боль никогда не была просто болью, она была приказом, наказанием, напоминанием о том, что она не имеет права быть собой. Но сейчас, глядя на то как он работает, она подумала, что возможно есть боль, которую можно выбрать самой.

Через полчаса Лиззи оторвала взгляд от своего плеча и довольно заулыбалась. На коже красовался небольшой цветок, тонкая линия, почти незаметная но красивая.

— Идеально! — воскликнула она. — Стив, ты гений!

Он пожал плечами, убирая аппарат.

— Просто линия.

— Ага, просто. Попросил бы Джека набить тебе что-то, он бы тебе квадрат вместо круга нарисовал, — фыркнула Лиззи. Джек засмеялся из угла.

— Мои татуировки — это искусство. Просто ты не доросла.

Все рассмеялись. Глория тоже улыбнулась, хотя внутри всё ещё было тревожно. Лиззи под села к ней на диван, показывая свежий рисунок.

— Нравится?

— Красиво, — сказала Глория искренне. — Очень.

— Теперь твоя очередь, — сказала Лиззи, подмигивая.

Глория сглотнула и подняла взгляд на Стива, он смотрел на неё, ожидая когда она подойдёт.

— Я... — начала она, но голос сорвался.

Компания вокруг обсуждала свои татуировки. Парень с длинными волосами показывал на плече дракона и сказал: «это в честь отца, он всегда говорил, что я сильный». Кто-то на запястье звёздочку «это чтобы помнить, что я вышел из того дерьма». У каждого была история, маленькая, личная, своя.

Глория смотрела на них, думая о том, что татуировки — это не просто украшения, это не про моду, а про то, что люди хотят оставить с собой навсегда. Напоминание о человеке, о событии, о том, кем они стали. Это было их прошлое, нанесённое на кожу и они не прятали его. Она подошла к стулу, села выдыхая. Стив смотрел на неё с лёгкой задумчивостью.

— Так что ты хочешь? — спросил он.

Она хотела ответить но слова застряли в горле, она не знала, никогда не думала о том, что хочет оставить на своей коже, она просто хотела быть частью компании, не чувствовать себя чужой.

— Я... — она запнулась. — Я не знаю.

Лиззи сзади тихо сказала:

— Может, что-то маленькое и простое. Цветочек, как у меня?

Глория уже хотела кивнуть и сказать «да», но Стив остановил её движением руки.

— Не надо, — сказал он спокойно. — Ей не нужен чужой выбор.

Джек кашлянул.

— Пойду сделаю кофе, — сказал Джек, немного прочистив горло.

— И мне налей, — сказал парень с пепельными волосами.

Через минуту разговоры заполнили гараж, никто больше не смотрел в их сторону. Глория подняла взгляд на Стива. Он не улыбался, не подшучивал. Смотрел на неё внимательно, как тогда у костра.

— Хочешь, чтобы я тебе набил то, что ты не хочешь? — спросил он. — Или что-то, что будет напоминать о том, как ты боялась отказать?

В комнате стало тихо. Даже Джек перестал спорить и посмотрел на них. У Глории перехватило дыхание, он говорил спокойно, но почему-то казалось, будто видит гораздо больше,

чем она успела рассказать. Она опустила взгляд на запястье, где когда-то были синяки и долго молчала. компания зашевелилась, кто-то кашлянул, но Стив сидел неподвижно и ждал.

— Я никогда не принимала решений только для себя, — сказала она наконец. Голос был тихим, но в тишине гаража его слышали все. — Всегда выбирал кто-то другой. Что надеть, куда идти, что говорить... Я просто соглашалась. Потому что... — она запнулась, — потому что я боялась.

Стив кивнул, не сказал «я понимаю», «мне жаль», просто кивнул, давая ей пространство.

— Тогда не спеши, — сказал он. — Первая татуировка не должна быть красивой. Она должна быть с твоим смыслом.

Глория подняла на него взгляд. В его глазах она не увидела жалости, только ровное, спокойное внимание.

И ей стало легче, не потому что он сказал что-то волшебное, а потому что он не торопил. Не просил её быть той, кем она не была.

Она снова опустила взгляд на своё запястье, бледная кожа, на которой уже почти не видно следов и думала о том, что хотела бы оставить себе навсегда.

— Птица, — сказала она. — Маленькая, простая. Как будто она летит.

Она не знала, почему это слово пришло к ней. Может быть, потому что она чувствовала себя так, будто только что вырвалась из клетки. Может быть, потому что впервые за долгое время она могла смотреть вперёд, не оглядываясь.

— Запястье, — добавила она. — Внутренняя сторона.

Стив посмотрел на неё. на её глаза и слегка кивнул.

— Хорошо, — сказал он.

Глория вытянула руку. Стив взял её запястье, его пальцы были тёплыми и уверенными. Он повернул её руку так, чтобы было удобно и на мгновение задержал взгляд на её коже.

Она заметила это, как он смотрел на то место, где когда-то были синяки. Но ничего не сказал.

— Будет больно, — предупредил он.

— Знаю, — ответила она, сжимая колено второй рукой.

— Но это твоя боль.

Она взглянула на него и кивнула. Аппарат зажужжал. Глория почувствовала первый укол острый, но не страшный. Она сжала пальцы в кулак немного скривив лицо, потом разжала.

Стив работал медленно, аккуратно и она смотрела на то, как под его руками появляется тонкая, изящная линия. Крыло, тело. голова. Боль не уходила, но она была другой. Её взгляд блуждал по Стиву, он был сосредоточен, брови слегка нахмурены, глаза опущены. Иногда он поднимал взгляд, проверял, как она и молча продолжал. Между ними не было слов. только шум аппарата, дыхание и редкий взгляд.

Глория вдруг почувствовала, что ей не нужно ничего говорить. Она не должна объяснять, почему она здесь, почему согласилась и чего боится. Когда аппарат затих, Стив выпрямился, отложил его в сторону.

— Готово, — сказал он.

Она медленно опустила голову и прошла глазами по только что набитой татуировки. Маленькая птичка, почти воздушная, тонкие линии крыльев, расправленных в полёте. Она летела вверх, туда где больше нет стен. Глория смотрела на рисунок и не могла поверить, что это на ней, что это её выбор, её кожа, её птица.

Она осторожно коснулась пальцами и немного шикнула от жжения. Кожа была слегка воспалённой, но боль была приятной, не как от ударов любимого человека.

— Это первое, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Первое, что появилось на моём теле только потому, что я сама этого захотела.

Она подняла взгляд на Стива. Он смотрел на неё и в его глазах мелькнула лёгкая улыбка. Глория почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы, она улыбнулась и слёзы скатились по щекам, горячие и светлые.

— Спасибо, — сказала она. — За то... что дал мне выбрать.

Стив покачал головой и протянул ей салфетки, чтобы она вытерла слёзы и сказал:

— Это твой выбор. Я просто нарисовал.

Глория снова посмотрела на запястье. Её птица летела. Лиззи подскочила с дивана и подбежала к ней.

— Ой, какая красивая! — закричала она. — Глория, ты просто прелесть!

Все окружили её, смотрели, обсуждали. Кто-то сказал, что похоже на воробья, кто-то сказал, что на ласточку. Но Глории было всё равно, что это за птица. она смотрела на свою руку и надеялась взлететь так же.

Компания расходилась уже глубокой ночью. Глория сидела на бревне у остывающего костра, смотрела на запястье и не могла оторвать взгляда. Птица была ещё красной вокруг, но линии были чёткими и красивыми. Стив прошёл мимо, останавливаясь на мгновение.

— Завтра будет немного болеть и чесаться, — сказал он. — Это нормально.

— Хорошо, — ответила она и на лице промелькнула улыбка.

— И не трогай руками без необходимости.

— Не буду, — сказала она. Он хотел уже уйти, но она вдруг сказала: — Стив. — Почему ты согласился сделать мне тату? Ты же редко кому делаешь.

Он посмотрел на неё. В темноте его лицо казалось спокойным и серьёзным.

— Потому что ты отказалась выбирать чужое, — сказал он и надел шлем, потом добавил: — Значит, была готова к своему.

Она смотрела на него глазами, в которых была благодарность. Он слегка кивнул и пошёл к своему мотоциклу. Глория осталась у костра и снова провела пальцами по запястью, ощущая едва заметную шероховатость свежей татуировки, потом подняла взгляд к небу и улыбнулась. Сейчас она была целой, не идеальной, не счастливой, просто целой.

Глава 6

«То, что невозможно забыть»

К вечеру лес словно перестал быть лесом. Дорога, по которой они обычно ехали почти в одиночестве, теперь была заставлена машинами. Старые пикапы, внедорожники, прицепы с мотоциклами, они тянулись вдоль обочины настолько далеко, что казалось будто сюда съехалась половина округа. Из открытых багажников играла музыка, кто-то уже жарил мясо на переносном мангале, пахло дымом с нотками жаренного мяса и бензином. Лиззи тихо присвистнула, выключая двигатель.

— Ого... Кажется, сегодня будет мясорубка.

Глория выбралась из машины и остановилась, оглядывая незнакомые лица, новые мотоциклы, чужие машины. Всё это выглядело так, будто сюда съехалась не половина округа, а все кто вообще способен держаться в седле.

— Так много людей? — спросила она.

— Это ещё не все приехали, — ответила Лиззи, хлопнув дверцей. — Сегодня ставки выше обычного. Парни из соседних городков подтянулись. будут пытаться показать, кто тут главный.

— И кто тут главный?

Лиззи усмехнулась и подмигнула.

— Скоро увидишь.

Глория закрыла дверь и на мгновение остановилась. Прошло всего несколько дней с тех пор, как она оказалась здесь, испуганная, потерянная, не знающая куда смотреть и что говорить. Теперь всё было иначе. Лес остался тем же: те же высокие ели, тот же запах сырой земли, тот же старый ангар впереди. Изменилась только она.

— Глория!

Она обернулась. Джек стоял возле ангара, размахивая какой-то железкой и выглядел так, будто его только что облили бензином и подожгли.

— Если ты сейчас же не придёшь спасать этих идиотов, они угрожают мне половину техники! — крикнул он. — Я тебя умоляю, они даже масло отличить от воды не могут!

На лице Глории расплылась улыбка.

— Добрый вечер, Джек. Ты всегда так встречаешь гостей?

Он остановился, перевёл дыхание и как-то сразу сбавил обороты.

— Привет, привет. Прости, просто... эти парни из города приехали и думают, что разбираются в железе, а сами даже свечи зажигания от карбюратора отличить не в состоянии. Ну как так можно?! — сказал он показывая на ангар, в котором был полный бардак.

— Наверное, кто-то забыл им рассказать, что мотоцикл это не велосипед с двигателем, — ответила Глория закатывая рукава куртки до локтей.

Джек фыркнул, но в глазах уже заплескала улыбка.

— Вот именно! — он махнул рукой в сторону ангара. — Проходи. Там хонда, у неё задний тормоз валится. Я уже всё перебрал, но она всё равно не слушается. Может, у тебя получится?

— Посмотрю, — улыбаясь ответила она и сделала шаг в ангар, когда Лиззи остановила её рукой.

— Ты заметила, что он тебя даже не проверяет?

Глория задумалась.

— Правда?

— Правда. Он начал доверять тебе железо, он даже мне не доверяет.

— Так ты и не умеешь чинить мотоциклы, — сказала Глория немного посмеиваясь.

— Это неважно, — фыркнула Лиззи. — Важно, что я могу выпить пива быстрее, чем он успеет сказать «не лей на двигатель».

Глория тихо рассмеялась и направилась в ангар.

Внутри было шумно как всегда, но сегодня к привычному хаосу добавились новые лица, громкие голоса и чужая музыка. Кто-то спорил у разобранного двигателя, двое парней пытались поставить колесо и громко обвиняли друг друга в кривых руках. Из динамика в углу хрипло играл старый рок, кто-то пил пиво прямо над открытым мотором и Джек заметив это, моментально взорвался.

— Эй! Ты! С этой дрянью подальше от моих байков! Если прольёшь, ремонтировать будешь языком! И это не метафора!

Парень поспешно убрал банки и Глория мягко улыбнулась. Ещё неделю назад этот хаос показался бы ей кошмаром, теперь он успокаивал. Она взяла ящик с инструментами и направилась к хонде. Привычный запах масла, холодный металл, тяжесть отвёртки в ладони напоминал её об отце. Где-то рядом продолжали смеяться, ругаться, но все эти голоса постепенно превратились в привычный фон. Она работала быстро, почти не глядя, чувствуя руками то, что не могла объяснить словами.

— Ну что там? — раздался голос Джека.

— Прокладка отошла и тормозная жидкость почти на нуле. Он вообще не понимал, что ездит без тормозов? — сказала она сидя на корточках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.